

Петр Немировский

ВЕЧНЫЙ ЖИД

Новелла

1

Когда они спускались в лифте, Илья подумал: хорошо бы попрощаться сейчас, здесь. Сказать Лене «бай» и, черт с ней, поцеловать в щеку. В напудренную щеку, спрятавшуюся за лисьим воротником.

Лифт остановился. Пройдя через холл, они сквозь дверь-вертушку вынырнули на улицу.

— Тебе куда? — Лена посмотрела на свои часики.

— К сестре, на Фэшн-стрит.

Она взяла его под руку:

— В таком случае нам по пути.

Для последних дней января погода была сносной. Легкий ветерок касался лица, принося с собой запахи пиццы, жареных орехов и выхлопных газов. Вдоль тротуаров темнели затвердевшие в гари и копоты бугры снега.

— Скоро мы откроем новую телестудию, — Лена крепче прижала его руку к себе.

Она стала рассказывать о контрактах своего мужа — владельца телестудии — с новым спонсором, об обещанных трех миллионах долларов — якобы этих денег будет достаточно, чтобы студия продержалась как минимум три года. В прошлый раз у них был миллион, и они продержались ровно год.

Илья писал новости, Лена, телеведущая, их читала. Он приходил в студию рано утром, когда все двери еще были закрыты. Лишь в коридоре хлопотала уборщица, распевая романс «Жестокий друг, за что мученье?». Включив аппаратуру, Илья просматривал сюжеты событий, случившихся в мире за последние сутки: падение курса акций на Уолл-стрит, убийство в Гарлеме, наводнение в Индии. Всё просмотрев, писал тексты к отобранным сюжетам.

Часа через три приходила Лена. Носком сапожка открывала дверь и застывала в дверном проеме, как в портретной раме. Принимала различные позы — отличная натурщица для фламандцев, но эстеты-итальянцы дали бы ей от ворот поворот из-за мышиных бровей и пухлых маленьких губ.

Лена протягивала руку к Илье и произносила приглушенным, грудным голосом: «Дай хоть что-нибудь». Брала листы и, быстро пробежав текст, садилась у окна перед овальным зеркальцем. На столике лежали флакончики с тушью, пудра, помада. Она накладывала макияж, перебрасываясь малозначительными фразами с оператором и монтажером, готовящими аппаратуру к съемкам.

Работа Ильи уже была закончена. Перед уходом он съедал свое традиционное яблоко. Изредка поглядывал на Лену. Как ни старался, не мог преодолеть легкой эстетической брезгливости к ней — похожей на моль, пухлогубой и безбровой, с бесцветными пушистыми волосами.

Она подводила последний штрих — поднимала над головой баллончик, и после пшика в зеркале отражалась настоящая восковая кукла, хлопающая отяжелевшими от туши ресницами. Кукла вставала и, произнеся: «Мальчики, я готова», скрывалась за дверью студии с табличкой «Тише! Идет запись!». Монтажер включал экран:

— Готово? Поехали!

И... на экране, на фоне небоскребов Манхэттена, под синим небом появлялась Она. Камера полностью преображала Лену, на экране возникал ее двойник. Пусть Петрарка опишет мечтательно-задумчивый взгляд ее глаз, пусть кисть Тициана изобразит игриво сбившуюся прядку волос, пусть резец Праксителя пробежит по ее точеной шее, удалив последнюю крупницу лишнего мрамора...

Надкушенное яблоко застревало в зубах Ильи, струйка белого сока стекала по его небритому подбородку.

— Черт! — неожиданно вскрикнув, Лена наклоняла голову и прикладывала пальцы к левому виску. — Опять слеза. Да убери этот проклятый свет!

Закрыв левый глаз, массировала висок. Потом доставала косметичку и приводила себя в порядок:

— Сколько я сижу в кадре?

— Шесть секунд.

— С какого места начнем?

— Обрушился циклон.

И все продолжалось. А Илья, не прощаясь, выходил.

Обычно он совершал пешую прогулку к кофейне, которую держали израильтяне. Заказывал кофе, сваренный так, чтобы пышная пенка возвышалась над чашкой. Садился за столик на улице. Солнечный лучик бегал по блестящей чашке. До того горячей, что пальцы можно было обжечь.

Здесь часто слышался иврит, переноса Илью на улицы Назарета. В этом районе Нью-Йорка возник кусочек Израиля: на вертелах жарилось конусом нарезанное мясо, таким же крепким и ароматным, как в Израиле, был кофе, такими же острыми — приправы. В речи прохожих звучала чудовищная смесь глухих и шипящих звуков, рожденных в глубине гортани. За полтора года в Израиле Илья так и не научился произносить как следует «гхка» и «гкхэ».

...Вспоминалась шуарма, купленная в арабской деревне. Съев всё до последней крошки, наспех вытерев жирные пальцы, он бежал на гору. Так, без всякой цели.

Взобравшись на вершину, подолгу смотрел, как в небе парят орлы, как в низинах белеют деревни и Иорданская долина краснеет маками. Он думал, что простоит на той вершине тысячу лет, пока не пройдет перед его глазами вся история: от самолета компании «Эль Аль» до верблюдов Авраама. И в последний день в долине Армагеддон встретятся Гог и Магог. Илья обязательно будет там, со своими пожитками, ожидая исхода битвы, а затем — решения Господа. Он предстанет перед Всевышним голым и, как всегда, небритым. В руках будет держать все, что скопил и чем дорожил, — чашку кофе и шариковую ручку. Как скипетр и державу.

История с географией на этом, однако, не закончилась. После самолета компании «Эль Аль» появился «Боинг» компании «Америкэн Эрлайнз», перелетевший Атлантический океан. Верблюды остались далеко позади. Но во время блужданий по Нью-Йорку Илье порой чудилось, что знакомое двугорбое создание только что мелькнуло и скрылось за углом.

2

Елена Тимофеева, бывшая актриса какого-то молодежного театра в Москве, а ныне — телеведущая в Нью-Йорке, давно охладела к своему мужу. Она проклинала грузина-мануальщика, который полгода назад за сто долларов за сеанс ей «растягивал позвоночник» на массажном столе. Потом их отношения изменились, и деньги потекли в обратном направлении. Но так как подобная откровенность Елене Тимофеевой претила, грузин дарил ей, этой царице, золотые кольца с рубинами — пусть знает, что такое настоящий джигит! Грянул гром — грузина за что-то арестовали, недолго продержали в тюрьме и выпустили, настоятельно порекомендовав исчезнуть из Нью-Йорка. Что он и сделал немедля, даже не сообщив своей царице, в каких краях настоящего джигита искать.

И вот с некоторых пор присутствие Ильи в телестудии вызывало у Лены странное волнение.

...Начиналась съемка. Особенно Лену впечатляло сообщение о падении биржевого индекса Доу-Джонса. Доу-Джонс, видимо, представлялся ей героем трагедии — царем Эдипом или принцем

Гамлетом: он страдал, боролся с судьбой и в финале падал. На три пункта.

— Черт, опять слеза! Да выключи этот яркий свет! Что за мучение!..

Но лишь один Илья знал, что эти слезы — ему. Молодой, тридцатилетний (между прочим, не занятой), он сидит и смотрит, как страдает женщина. Как проливает слезы неразделенной любви. Как жаждет, чтобы Илья вошел сюда, в студию, выгнал в шею этого бесполого оператора, сам взял в руки камеру и навел на нее. И тогда она легко вскочит на стол, щелкнет пальцами, чтобы включили музон. Извиваясь, как змея, медленно выползет из своего черного платья и останется в «Виктории Сикрет», только вчера купила эти белоснежные шелковые трусики и бюстгальтер. И пусть он возьмет ее крупным планом. Не бойся, смелее, наезжай камерой. Вот так...

И вот, жизнь Ильи как-то неожиданно для него самого наладилась: хорошая любовница, неплохая работа, сносная зарплата.

Но, как говорится, счастье длилось недолго. Студия закрылась — истратили миллион долларов. Новый спонсор обещает дать три миллиона. Когда? Неизвестно.

Илья с трудом устроился журналистом в газету, на мизерную зарплату. Роман с Леной хоть и продолжался, но тоже неминуемо приближался к финалу.

— Зайдем в бар? — предложила Лена.

— Не хочу. Кстати, твой муж со мной не рассчитался, остался мне должен тысячу долларов.

— Ну что ты за человек? Он же сказал — отдаст, значит, отдаст. Тебе нужны деньги?

— Нет, — Илья высвободил руку. — Тебе пора.

Они стояли у входа в подземку.

— Ты обижаешься? — Лена хотела погладить его по щеке, но он отклонился.

И Елена Тимофеева поняла, что пора искать нового мануальщика. У нее уже давно болит позвоночник. Вдобавок по утрам мучают мигрени, тайленол не помогает. Нужен основательный массаж. А этот небритый Илья... он еще пожалеет.

3

Снег летел косо, сек по лицу и таял на асфальте. Из-под земли сквозь металлические решетки поднимались клубы пара. Под ногами загудело — мчался поезд.

Поежившись, Илья ускорил шаг. А обещали солнце. И без снега. Нью-йоркские зимы хуже израильских и несравнимы с киевскими. В Киеве сыпал снег, мягкий, пушистый. Сугробы лежали, как на новогодних открытках. По-пушкински. Можно было валяться на лежанке и смотреть в окно — на раме снизу медленно нарастала

неровная белая полоска. Под бочком лежала какая-нибудь книжица, а в комнату сквозь тиканье часов прорывались волчи завывания ветра — «у-у»...

В Израиле зимой было сыро. Одежду приходилось сушить на слабом электрокаmine, привезенном из Киева. На улице бывало теплее, чем в квартире. Но вдруг могло выглянуть солнце — тогда огромные листья пальмы под окном, быстро высохнув, отливали темно-зеленым. На скамейке около дома сразу появлялись два старых грузинских еврея в кепках-«аэродромах», раскладывали нарды и, словно два жреца, трясли кости в сложенных ладонях: «Гош-гош-гош — зара, давай!» А рядом с ними, на краешек скамейки, присаживалась бабушка...

Илья прошел мимо скульптуры еврея в ермолке, сидящего за швейной машинкой «Зингер». Здесь, в кварталах Нью-Йорка на Фэшн-стрит, сто лет назад сбежавшая из царской России шолом-алейхемовская беднота уселась за свои «Зингеры». И начала новую жизнь. Ради детей. Чтобы дети выучились, стали врачами и адвокатами.

У бабушки Ильи тоже был «Зингер». Все бабушки начинали и заканчивали «Зингером». «Зингер» становился членом любой семьи, как соковыжималка или радиоприемник. Для ребенка наибольший интерес представляла шпулька, упрятанная в нижней части машинки под блестящей выдвижной пластинкой. Бабушкины пальцы, грубые, распухшие в суставах и искривленные артритом, умудрялись нырнуть в эту щель и легко, в одно мгновение, вытащить шпульку на свет Божий.

Бабушка захотела взять машинку с собой из Киева в Израиль. Был бой, уговоры. Что сказать? Старуха просто выжила из ума. Что она

собирается там шить? Открывать ателье? Снабжать магазины? Ну и как прикажете эту машинку везти? В чемодане? Или в авоське?

Но бабушка все-таки настояла, упрямая была старушка. По приезде даже что-то шила и латала. «Когда сердце начинает болеть, сажусь за “Зингер”, и боль сразу отпускает». Ей никто не перечил, но втихомолку, чтобы не обижать, выносили залатанное старье на улицу и оставляли на заборах. Она, конечно, обо всем догадывалась, но виду не подавала. Все играли в эту игру, пока бабушка не слегла.

Зима уже шла на убыль, на носу был март, и бабушка почему-то верила, что если дотянет до весны, то обязательно встанет. Несколько раз уже выглядывало солнце, и пальма под окном веселее хлопала на ветру тяжелыми листьями.

Но, видимо, богини судьбы парки что-то не согласовали с синоптиками. В тот, свой последний вечер бабушка, пожелтевшая и высохшая, как мумия, подозвала Илью. Она была спокойна, и глаза ее светились тихим светом. «Знаешь, я думала: потеплеет, выйду на улицу, сяду на скамеечку... — умолкла, глядя куда-то сквозь Илью. Грустно улыбнулась. — Не получилось...» Съехала по подушке. Съежилась. Вздогнула.

...Назавтра ее в белом саване опустили на каменное дно могилы. Как назло, в небе горело такое яркое солнце, что хотелось замазать его густым черным дегтем...

А швейная машинка пылилась в углу. Отдать ее было некому, выбросить жалко. Стояла там до тех пор, пока не уехали в Нью-Йорк. Пусть новые жильцы решают, что с ней делать.

И надо же! Машинка неожиданно вынырнула здесь, в Нью-Йорке, попав в руки к бронзовому еврею.

4

Илья вошел в широкие стеклянные двери, поднялся на третий этаж. Здесь работала его старшая сестра Таня — закройщицей в ателье у бразильской еврейки.

— Хэлло, «Сара-кутюр» слушает, — секретарша, молоденькая черноглазая израильтянка Рахель, в приемной разговаривала по телефону.

Она улыбнулась Илье во весь свой широкий рот. И он сразу понял — ничего не получится. Куда он ее позовет, эту добрую Рахель, которая мечется в поисках честного Иакова? В кино? В кафе? На берег Гудзона? И о чем они будут разговаривать? Он и по-русски запинается. А тут придется на английском с примесью иврита.

Лучше сразу привести Рахель к себе домой. И зачать младенца Иосифа. Крепкого, румяного малыша. С ямочками на щеках. И будет Иосиф расти под зорким оком Всевышнего. И станет младенец Иосиф похожим на деда Ильи, которого тоже звали Иосифом. Его могила где-то там, в киевском рву, о ней почти ничего не известно.

— Таня сейчас выйдет, — сказала Рахель, снова широко улыбнувшись.

Нет, домой к нему она не пойдет. Она — девушка строгих правил. Сначала ухаживания, затем хупа, и лишь тогда зачинать Иосифа. В обратном порядке не получится. И зачем она так широко улыбается? Жалкое подражание американкам — отбелить зубы до блеска. Чтобы горели, как бляхи на солдатских ремнях!

Илья прошел по коридору ателье. Сквозь матовое стекло были видны размытые фигуры. В одной из примерочных стояла крупная

дама в широком бордовом платье. У нее в ногах ползала какая-то тень. Порою слышался голос Тани — на английском, с тяжелым русским акцентом:

— Стянуть еще больше? Поднять выше? Еще выше? О'кей.

Илья вернулся в приемную. Вскоре появилась и Таня — в шлепанцах. Простое черное платье из легкой шерсти обтягивало ее худощавое тело. Кажется, это платье Таня носила еще в Киеве.

— Эта сука выпила у меня пол-литра крови! — возмущалась Таня, когда они с Ильей спустились в кафе. — Ей пятьдесят восемь лет, выдает третью дочку замуж, а хочет на свадьбе затмить невесту. Готовится, как Наташа Ростова на бал. И грудь ей сделай, чтобы казалась упругой, и тут — выше колен. Ее раздеть и умыть — слезами обольешься. Заказала себе платье за семь тысяч долларов!

— Не нервничай, ешь салат.

— Представляешь, — продолжала Таня, — ползаю у нее в ногах, а она в это время звонит своему мужу и говорит, что по дороге на примерку купила дом за полмиллиона. Но — какое горе! — дом без бассейна. Муж в это время делает операцию в госпитале. Просит позвонить ему минут через двадцать, мол, быстренько закончит с больным, отрежет ему, что надо, и тогда они смогут спокойно обсудить ситуацию с купленным домом. Вот так надо жить, — Таня отставляет пустую тарелку, берет стакан с апельсиновым соком. — Ты что-то похудел. Может, тебе деньги нужны? — открывает кошелек, среди банковских и кредитных карточек находит деньги. — На, бери, мне эта сука чаевые дала, — протягивает Илье сто долларов.

В его груди поднимается волна оскорбленной гордости. Еще миг — и он расплатится от жалости к себе. Правда, эти сто долларов в

корне меняют всю финансовую картину. Останется раздобыть еще двести, и за оплату квартиры в этом месяце можно не беспокоиться. Где-то в дверях промелькнула тень хозяина дома, где живет Илья.

— Бери же, — Таня решительно сунула деньги в карман его пальто.

— Как там мама поживает?

— Нормально. Сидит с Ричардом. Все, мне пора, а то хозяйка будет злиться. Завтра у папы день рождения, не забудь его поздравить, — вспомнив об отце, Таня вытерла набежавшие слезы.

(Отец остался в Израиле — встретил там другую женщину.)

Слезы у Тани появлялись в секунду, глаза сразу краснели, а нос, крючковатый и тощий, казалось, вытягивался еще больше. Слезы ее старили. К счастью, порывы горя длились недолго — Таня быстро брала себя в руки.

Она поправила волосы и, подмигнув, ушла. Низенькая, в черном платье, прижимая под мышкой кошелек, Таня возвращалась к заказчицам. Она все больше становилась похожей на бабушку. Только без «Зингера».

5

Близился полдень. Снег перестал. Ботинки шлепали по лужам. Со всех сторон толкали, обгоняя, прохожие. На перекрестке возникла пробка, от сигналов закладывало в ушах. У дверей некоторых зданий охранники — рослые негры в униформе — курили вонючие сигареты и громко смеялись.

Пора в редакцию. Но почему-то Илья пошел по Бродвею вверх, хотя в редакцию следовало идти вниз. Он оказался в парке, заказал в ларьке кофе.

Здесь, в парке, дышалось легче, воздух казался чище и свежей. Хотелось делать глубокие вдохи и выдыхать из груди скопившуюся тяжесть.

В Нью-Йорке дышать трудно. Просто задыхаешься. И постоянно болит голова.

Зато в этом городе ты совершенно свободный. Как сбежавший из психбольницы. Можешь объявить себя королем Испании, никто возражать не будет. Ты в свободной стране, делай, что хочешь. Главное — не забудь уплатить за квартиру. Из-за ствола дерева снова выглянула тень хозяина дома. Илья сунул руку в карман, проверил, на месте ли сотня долларов. И тень хозяина растворилась.

Порывом ветра подхватило и куда-то понесло пустую целлофановую упаковку... Наконец стало совсем легко. Захотелось, как когда-то в Израиле, лазать по горам, искать там пещеры. Или, сторговавшись с бедуином, вспрыгнуть на верблюда, усесться между его горбов и заорать: «Авоэ!» И верблюд понесет вперед, в землю Ханаанскую. Где с избытком меда и молока. И немножко крови и слез.

Илья уехал из Израиля в Штаты по вызову сестры. Сколько можно было там надрываться на стройке? И видеть каждый день хитрые глазки босса — марокканского еврея, который вечно обещал выплатить зарплату в следующий понедельник...

Илья допил кофе. На дне чашки темнела гуща. Он наклонил чашку — гуща на дне лениво сползла... Лена. Есть сто долларов.

Можно заказать столик в Гринвич Виллидж. Жареных креветок и графин сангрии.

...Они сядут в укромном уголке кафе. Он нальет вино из кувшина, где между кубиков льда будут плавать дольки апельсинов и ягоды. Достанет за веточку красную вишенку и поиграет ею над Лениными раскрытыми губами. Выйдут из кафе, крепко обнявшись. Она прижмется к нему, нет же — она просто навалится на Илью, и они медленно пойдут к метро, тая в запахах шашлыков, пиццы и марихуаны. Он ее никуда не отпустит. Проснутся утром. Лениво потянувшись, Лена белой рукой коснется его щеки и спросит, почему он не укрыт. Илья поцелует ее в губы, в глаза. И они снова зарюются в верблюжье одеяло, потому что наверняка будет холодно, ведь хозяин не включает по утрам бойлер из-за нового повышения цен на мазут...

Илья достал из кармана мобильник и позвонил. Длинные гудки, затем щелчок:

— Хэлло, — голос Лены звучал спокойно, подозрительно спокойно. — Что-то случилось?

— Да. То есть нет... Давай встретимся. В кафе «Эспаньол».

Тишина.

— Ну, Лен...

— Не знаю. Вообще-то я занята, — и после недолгого молчания: — О'кей, я постараюсь.

Его лицо осветила улыбка, слова готовы были вот-вот прорваться. Но, испугавшись, что одним нелепым словом можно все испортить, он лишь промолвил:

— Приходи к шести.

Нажал кнопку, отключив телефон. Победно потряс поднятым кулаком. Вот так! И живо зашагал в сторону редакции.

Поначалу шел быстро, но постепенно замедлил шаг. Редакция, эта конура, на каждой стене, как издевка, висят портреты Шолом-Алейхема и Башевиса Зингера.

Две главные темы газеты. Во-первых, Холокост. Точнее, восстановление исторической справедливости — евреев уничтожали нацисты, теперь их потомки требуют компенсаций. «Больших баксов», как говорят в Америке. Редактор газеты мрачно шутит, что быть жертвой Холокоста нынче стало профессией, причем очень выгодной.

Вторая тема — воспевание образа бронзового еврея в ермолке. Из номера в номер в «Колонке редактора» появляется редакторская заметка приблизительно такого содержания: «Каждое утро я прохожу мимо памятника, который наводит меня на глубокие размышления. Я думаю о евреях, которые, когда-то сбежав от черносотенных и петлюровских погромов, приехали в Нью-Йорк с худыми одеялами и швейными машинками «Зингер». И здесь, в Новом Свете, они решили строить новую жизнь». Затем описывается, как те счастливые горемыки сошли на берег по корабельному трапу, сели в трамвай, который отвез их на Ист-Сайд. Короче, идет пересказ второй, довольно слабой части романа Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл».

В первый год по приезде в Нью-Йорк Илья бродил по шолом-алейхемовским местам, как когда-то в Киеве — по булгаковским. Пытался представить, как сто лет назад сюда приезжали зачумленные, насмерть перепуганные иммигранты, как галдели на смеси идиш, польского и украинского. Матери прижимали младенцев, мужчины нервно дергали свои бороды. Где-то здесь ходил трамвай с веселыми

звонками. Наверное, такой же, как в Киеве, с той лишь разницей, что можно было вспрыгнуть на ходу, и этот трамвай вез их всех, с детьми и «Зингерами», на Ист-Сайд.

Там они открывали булочные, обувные и швейные мастерские. Бабушки варили куриный бульон с фрикадельками — такой же, как когда-то варила и его бабушка, — и держали полные ложки этого бульона перед стиснутыми губами своих упрямых внуков...

Когда-то Илье в руки попала книжонка «Антология знаменитых американских гангстеров», где в списке рядом с именами Аль Капоне и Гамбино стояли имена двух евреев — Луиса Лепке и Дач Шульца. Оба начинали как все бандиты: тихо отворяли двери мастерских и очень вежливо просили денег. И тогда швейной машинке «Зингер» приходилось работать на износ, чтобы прокормить беременную жену, пятерых детей и процент с выручки отдать Лепке или Шульцу. Портные создавали профсоюзы — бандиты Лепке и Шульца убивали лидеров и ставили на их место своих. Они ворочали миллионами, скупив почти все мануфактуры и ателье на Фэшн-стрит. ФБР удалось с ними справиться с большим трудом: Лепке усадили на электрический стул, а к Шульцу подослали двух киллеров, которые расстреляли его в упор в туалете одного кошерного ресторана.

6

...А ты — карабкайся. Выживай. Господь все видит. Сверху, с крыши Эмпайр-билдинга. У Господа Свой замысел, и тебе нужно пройти весь маршрут. Господь Сам решит, где тебя остановить — в

пещере земли Ханаанской, на нью-йоркской улице или в киевском рву, где тебя расстреляют, как деда Иосифа.

Дед Иосиф был служкой в синагоге на Подоле. О нем мало что известно: ушел утром в синагогу, хотя немцы уже взяли Киев. До Бабьего Яра оставалось несколько дней. Жена с сыном (бабушка с будущим отцом Ильи) эвакуировались. Дед злился — поддавалась панике. Чего вдруг? Немцы не тронут. И разве Всевышний позволит?

Облавы прокатились на следующий же день после взятия Киева. Начали с подольской синагоги, где хранились древние книги и свитки. Немецкие автоматчики загнали всех прихожан в подвал, а вечером вывели их в глухой яр и там расстреляли. Правда, потом говорили, что их расстреляли на берегу Днепра: жители Подола видели, как утром к берегу прибило распухшие трупы в белых талесах и мешочки с молитвенными принадлежностями.

А ценные книги немцы вывезли: в синагогу вошли мужчины в штатском и, пересмотрев фолианты, приказали солдатам упаковать отобранное в металлические ящики. Потом всё увезли и продали через нейтральные страны американским евреям. Потому что лишь американские евреи могли тогда дать за эти книги большие баксы.

7

Заморосил мелкий дождь, ветер задул сильнее. Илья поднял воротник пальто и спрятал лицо в эту ненадежную крепость.

А что, если он сегодня вообще не появится в редакции? Позвонит и скажет, что заболел. Но его ведь могут уволить! Или уже уволили?

Придет в редакцию, а на его столе лежит конверт с последним чеком. Куда же он тогда пойдет? За прилавок в «Макдоналдс»? Или швейцаром?..

— Подайте ветерану иракской войны, — перед ним стоял мужик в лохмотьях, из кармана куртки торчало горлышко бутылки.

Протянув бродяге мелочь, Илья сбежал по ступенькам в подземку.

В полупустом вагоне какой-то мрачный тип подносил ко рту зажатую в кулаке сигарету, и воздух наполнялся пряным запахом марихуаны. На следующей остановке вошли двое хасидов. Один достал маленький молитвенник и, накручивая пейс на свой указательный палец, углубился в чтение. Другой развернул «Уолл-стрит Джорнел» с последними биржевыми новостями и тоже углубился. Тот, кто с «Уолл-стрит», похож на хозяина дома, где живет Илья.

Хозяин дома — добрый человек лет пятидесяти пяти, может, постарше — поди догадайся за густой бородой и очками. Шестеро детей, ждет седьмого. Он может часами рассказывать о грядущем приходе Мошиаха и советует Илье чаще ходить в синагогу. Но скажи ему, что деньги за квартиру он получит на день позже... только скажи.

Получив деньги за квартиру, хозяин обычно подходит к окну. Пересчитывает. Губы за пегой бородой беззвучно шевелятся. Купюры достоинством в 50 и 100 долларов он рассматривает на свет, щупает, трет ногтем. Затем поднимает глаза к небу — задает Всевышнему задачу на сложение и, получив правильный ответ, прячет деньги глубоко в карман лапсердака. Лишь тогда из его глаз струится свет глубокого душевного покоя.

Когда Илья только приехал в Нью-Йорк и снял эту квартиру, хозяин здорово ему помог — устроил в ешиву. Разумеется, не директором, а уборщиком.

По ешиве, как кролики, носились худые мальчики в очках и ермолках. Начались занятия. Илья взял швабру и несколько раз прошелся ею по полу в коридоре. Затем поставил швабру на место и ушел домой. А по дороге вспоминал, как когда-то в Киеве сам едва не стал ешиботником.

...Он оканчивал университет, а на Подоле при синагоге открылась первая, еще тогда полуподпольная ешива. Там за столами сидели несколько парней, в ермолках и с первыми побегам пейсов.

Мужчина лет сорока, в черном, читал лекцию о сотворении мира. Он говорил на чистом русском языке, лучше преподавателя русской филологии в университете. Раскрывал тайны Торы:

— Извечно существует Всевышний, и души евреев окружают Его Престол. Всевышний отправляет души на землю, чтобы Ему возводили Храм. Когда Храм будет построен, явится Мессия — в пенье труб и громе литавр...

Илья слушал и завидовал этому еврею, который сегодня все еще продолжает верить в эту милую сказку. Тем более здесь, на Подоле, где полвека назад в Днепре плавали трупы расстрелянных раввинов, в Бабьем Яру безостановочно строчил пулемет и соседи выдавали евреев гестапо за буханку хлеба...

Илье предложили учиться, но при условии, что жить он будет в общежитии неподалеку от синагоги. Будет изучать Тору, древний и современный иврит. И лишь раз в неделю — в субботу — разрешалось покидать эту еврейскую бурсу.

Как раз был май, цвели каштаны и сирень, в густом теплом воздухе с жужжанием проносились хрущи. Наверное, в такую пору гоголевский Андрий встретил в Киеве панночку, которая сгубила его казацкую долю. Панночкой была Инка, ладная, налитая. Страшно хотела замуж. Но упорствовал Илья. И тогда на горизонте возник другой казак — сумрачный студент из Ирана, заканчивавший в университете факультет международных отношений. Он и увез Инку в Тегеран как законную свою супругу...

8

Илья вышел из подземки. Морозец крепчал. Скорей бы попасть в теплое место и выпить чего-нибудь горячего.

Через несколько минут он сидел в кафе «Эспаньол». Там на стенах висели гитары, украшенные алыми бантами, официанты принимали заказы и разносили блюда.

Илья заказал кувшин сангрии и — чуть попозже, когда придет сеньора, — жареных в чесночном соусе креветок. Черную фасоль? Да, пожалуйста.

Когда официант удалился, Илья на миг прищурил левый глаз — заказ долларов на тридцать пять. Плюс чаевые. Из потертого портмоне вытащил деньги: две купюры по двадцать долларов и новенькая сотня, которую дала Таня. Молодец сестра. Тем более что послезавтра — первое февраля, ни свет, ни заря заявится хозяин дома и радостно воскликнет: «Шалом!»

Илья намазал масло на теплую хрустящую булочку. За соседним столиком сидела пожилая пара: седоволосый мужчина профессорского вида в костюме и с черной бабочкой на шее и напудренная дама. С важным видом работали ножами и вилками, изредка косились на Илью.

Он налил себе из кувшина стакан вина. Когда же наконец эта профессура утрется салфетками и исчезнет? Они ушли, когда Илья допивал третий стакан вина, а часы с застывшей кукушкой показывали начало седьмого.

— Сеньору подавать блюдо?

— Да, одно принесите.

Полчаса — законное дамское время на опоздание. Правда, Лена обычно опаздывала минут на десять-пятнадцать, не более, а по утрам порой приходила даже раньше девяти, когда Илья еще нежился в постели.

Лена дробно стучала в дверь своими длинными пальцами с накрашенными ноготками: «трам-трам-трам». Илья тут же вскакивал и, не одеваясь, шел открывать. Правда, в последнее время, когда раздавалась знакомая дробь, уже не спешил, а нехотя плелся к двери. Один раз даже не встал — лежал, глядя на закрытую дверь. Лена стояла за дверью — стучала и звонила. Илье почему-то понравилась такая ситуация. Показалось, что он ей мстит. Хотя мстить-то ей было не за что.

В тот раз Лена, не дождавшись, ушла. Потом Илья соврал, что заболела мать и ему пришлось переночевать у сестры, а телефон разрядился. Лена, кажется, не поверила, но кое-как уладилось, хотя отношения уже были ни к черту.

Но теперь все изменится. И что он себе придумал? Чем был недоволен? Лена ведь ничего не требовала, не ставила никаких условий. Сама приходила к нему.

Часы показывали без четверти восемь. Смысла заказывать блюдо для сеньоры уже нет. Не придет. Впрочем, он ведь заранее это знал. Зачем он ей нужен? Нищий. Замученный. Еще и с претензиями. С ним сложно. А ей, женщине сорока лет, нужен такой, с кем легко. Легко и красиво. Проблем и нервотрепки хватает дома, с мужем. Но кроме мужа должна быть другая жизнь. С другим героем. Не таким, как Илья.

Он посмотрел на лежавший перед ним на столе мобильник. Но звонить он ей не будет. Заказал сто граммов коньяка. Да, так желает сеньор. Вторую порцию креветок, пожалуйста, оставьте себе. Нет, с собой он не возьмет. У сеньора в доме найдется что поесть. Полный холодильник. Сто граммов коньяка и чек, пожалуйста.

Прищурившись, Илья изучил чек: 17, 10, 8. Как ни странно, уложился в сорок долларов. Он вытащил из бумажника деньги и положил их под опорожненную стопку. Все, пора отчаливать.

...Порывом морозного ветра обожгло щеки. Но холодно ему не было — внутри приятно грело. В барах и кафе горели огни. Обнявшись, спешили куда-то гомосексуалисты и лесбиянки. Бездомные негры устраивали себе ночлег из картонных коробок и рванья.

А может... гуляй, душа? Зайти в бар. Заказать виски с содовой. Купить марихуану. Сколько той жизни? И вообще, кому нужна его жизнь? Сестре? Матери? Отцу? Ну поплачут день-другой. Поплакали, когда умерла бабушка. И ничего, жизнь продолжается. Вот у Тани родился сын. Теперь всё вокруг него, как вокруг солнца: Ричарду — то,

Ричику — это. Так и должно быть: кто-то рождается, кто-то умирает. А чья-то жизнь, может, вовсе не нужна. Может, родился по ошибке. Всевышний чего-то недоглядел, вместо надежного каменщика отправил на строительство Храма халтурщика...

Неожиданно, вынырнув из-за угла, перед Ильей возникла какая-то фигура. Невысокий худощавый парень, похоже, подросток, в хаки и в черной натянутой на лицо шапочке с прорезями для глаз стоял в двух-трех шагах. Держал в руках что-то похожее на винтовку, обмотанную тряпками.

— Отдавай кошелек, — глухо произнес парень.

Илья по акценту понял — негр из Гарлема. Ствол, направленный в его грудь, опустился немного ниже. Илья почувствовал, как в животе сразу похолодело, и, забегая мыслью вперед, ощутил, как пуля входит в его живот, он оседает на асфальт...

— Отдавай кошелек, — повторил черный, правда, уже не так уверенно.

Руки Ильи — в карманах. Пальцы нащупали бумажник, потянули за уголок стодолларовой купюры. Но вдруг он громко произнес по-русски:

— Что ты хочешь?

Негр, опасливо озираясь, снова направил ствол в грудь Ильи и повторил, но уже совсем растерянно:

— Отдай кошелек.

— Что ты хочешь?! — заорал Илья по-русски. — Что ты хочешь?! — он сделал шаг вперед. Будь что будет, он ведь знает, чувствует нутром, что это — не конец, еще не все он сделал в жизни, в этой проклятой жизни, а деньги — сто долларов — не отдаст!

Негр завертел головой по сторонам, отступил на шаг-другой и, развернувшись, бросился наутек. Оглядывался, не преследуют ли. Он держал в одной руке «винтовку», с которой, разматываясь, слетали тряпки. Теперь было ясно, что в руках у этого мерзавца — кусок трубы.

Илья поначалу хотел погнаться, громко закричал — сперва по-русски, затем по-английски: «Ловите убийцу!» — но голос сорвался на хрип.

Вдалеке на улице показалась какая-то пара с мольбертами. Проехала машина. Все спокойно.

Илья перевел дыхание. И вдруг заплакал. Слезы катились по щекам, но он не вытирал их. Вытащил стодолларовую купюру, разгладил на ладони и, поднеся к лицу, плюнул на нее. Но тут же подумал, что этот жест слишком театрален и глуп, сунул доллары в карман и побрел по улице...